

ВАЛЕНТИН САХАРОВ

Тайны Катыни

Смотрят в книгу, видят... — что изволят, то и видят

Проблема Катыни продолжает оставаться одной из важнейших в плане научно-историческом и предельно острой — в политическом. Попытки представить ее «исчерпанной» несостоятельны вследствие недоступности для научной общественности многих архивных документов¹, а также все еще недостаточного исследования доступной их части. Это прежде всего относится к германским и польским документам, проливающим свет на историю фальсификации списков так называемых жертв Катыни. На необходимость более тщательного изучения их автор обращал внимание участников «круглого стола» в Государственной Думе РФ, посвященного проблемам Катыни (19 апреля 2010 года)².

¹ См. **В. А. Сахаров**. Актуальные проблемы изучения «Катынской истории». — «История России: политика, власть, управление: Сборник статей, посвященный 80-летию юбилею заслуженного профессора Московского университета В. А. Кувшинова». М., 2010.

² См. **В. А. Сахаров**. Германские документы об эксгумации и идентификации жертв Катыни (1943 г.). — «Тайны Катынской трагедии. Материалы “круглого стола”, проведенного 19 апреля 2010 года в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации». М., 2010. Выступление с приложением текстов и фотокопий текстов документов, в том числе германских и польских см. **В. А. Сахаров**. Германские документы об эксгумации и идентификации жертв Катыни (1943 г.). — www.kprf.ru/rus_law/79589.html 2010-05-27 09:13.

В данной статье представлены некоторые новые результаты изучения списков «жертв Катыни», которые дополняют, развивают и усиливают аргументацию против гитлеровско-геббельсовской версии этой человеческой трагедии.

Речь идет о содержании записей, составленных при раскопках могил в Катынском лесу. Работы, связанные с извлечением трупов, их обыском, изъятием находившихся при них документов, их описанием, проводила группа служащих полевой полиции под руководством секретаря полиции Восса (Voss). В ходе этих работ, при необходимости, происходило либо «обеспечение» трупов заблаговременно подготовленными документами, бумагами или комплектами их, либо дополнение ими «вещдоков», обнаруженных при трупах. По итогам этой работы составлялись ежедневные (иногда два раза в день) отчеты, которые подписывал Восс³. В них фиксировались количество эксгумированных трупов, присвоенные им порядковые номера, биографические данные, а также перечислялись и описывались «вещдоки»: разного рода докумен-

³ См. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 7021. Оп. 114. Д. 34.

ты, бумаги (письма, открытки, фото, справки, визитки и т. д.) и личные вещи. Иногда вместо трупа регистрировались отдельные «вещдоки» или их комплекты.

В некоторых случаях (о причинах можно только догадываться) отдельные документы или их комплекты оставались для проведения каких-либо работ с ними, по итогам которых регулярно составлялись дополнительные отчеты⁴. Иногда они не давали ничего нового по сравнению с ежедневными (основными) отчетами Восса, иногда содержали дополнительную информацию (разного характера и ценности). После окончания работ на месте захоронений (6 июня 1943 года) началась подготовка официального издания сводных данных, полученных Воссом⁵. При этом, по неизвестным нам причинам, информация дополнительных списков в него не всегда включалась. Между основными списками Восса и их официальным изданием также имеются разночтения, свидетельствующие о весьма небрежном отношении к работе над ними, а также о том, что им вообще не придавалось большого значения.

Органы государственной власти Германии, осуществлявшие руководство этой работой, критически относились к этим спискам, признавая их в известной мере сфальсифицированными⁶. Все участники этого политического театра на катынских могилах

прекрасно понимали, что ни о каком опознании на основании исследования самих останков не могло быть и речи. Основой для идентификации (а без нее вся эта фашистская затея «ломаного гроша» не стоила) могли служить только соответствующие документы и бумаги. Их надо было доставать. Из того, что было «под рукой». Что и делалось.

Представители польского Красного Креста (ПКК) допускались только к операциям по складированию изъятых у трупов «вещдоков», их транспортировке (в упакованном и запечатанном виде) в место, где с ними проводилась дальнейшая работа — очистка от грязи (это была последняя стадия работы с ними, к которой допускались поляки). Описание их производилось исключительно представителями германской полиции. Что происходило с документами на этой стадии работы с ними, представители ПКК ничего не знали. Ознакомление со списками, составленными германской стороной, вызвало у руководства ПКК критическое отношение к ним⁷.

Составляя свой вариант списка «жертв Катыни»⁸, ПКК как мог устранял все, что считал ошибочным (в частности, заменял немецкие названия населенных пунктов, улиц и т. д. и т. п. прежними — польскими), а также устранял или замаскировывал все, что могло указать на фальсификацию документального обеспечения процесса так называ-

⁴ См. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 36.

⁵ См. «Amtliches Material zum Massenmord von KATYN. Im Auftrage des Auswärtigen Amtes auf Grund urkundlichen Beweismaterials zusammengestellt, bearbeitet und herausgegeben von der Deutschen Informationsstelle». Berlin, 1943; см. также: www.katyn-books.ru/archive/amtliches/amtliches_material.html

⁶ См. **В. А. Сахаров**. Германские документы об эксгумации и идентификации жертв Катыни (1943 г.). С. 90, 91, 96.

⁷ См.: ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 23. Л. 145—145 об. (русский перевод документа), 146—146 об. (текст документа на польском языке); **В. А. Сахаров**. Германские документы об эксгумации и идентификации жертв Катыни (1943 г.). С. 90—91, 96—97; «Немцы в Катыни. Документ о расстреле польских военнопленных осенью 1941 года». М., 2010. С. 106—128, 131.

⁸ См. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 35.

емой идентификации (псевдоидентификации) обнаруженных трупов. Но всего не предусмотреть! К тому же германская сторона, судя по поразительной небрежности проводимой работы, и не очень старалась. Расчет в войне все еще строился на победу над СССР, на достижение сепаратного мира с США и Англией, которые, как и поляки, были вполне удовлетворены версией катынской трагедии, предложенной фашистской Германией.

Однако, как известно, история пошла иначе. Поэтому, как была, так и осталась сторона, заинтересованная в установлении истины в этом вопросе! И у нее есть основания поднимать этот вопрос, в том числе и потому, что германская и польская стороны оставили для этого достаточно материала, позволяющего утверждать о фальсификации процесса идентификации трупов, извлеченных из массовых захоронений в Катынском лесу. О том, что различные органы германских властей при участии польского Красного Креста, преодолевая взаимную ненависть, разыграли на этих могилах мерзопакостнейший политический спектакль.

В данной статье мы намерены ознакомить читателей с материалами, зафиксированными в германских списках эксгумированных и идентифицированных в Катыни, а также в польском варианте этих списков, подготовленных ПКК⁹. Речь идет об адресах последнего места жительства расстрелянных в Катынском лесу лю-

дей, об адресах корреспондентов, от которых они получали письма, а также об адресах, для отправления на которые корреспонденция ими была подготовлена, но не отправлена. Объяснения требуют факты получения в лагерях НКВД СССР корреспонденции из Германии, в том числе и из еще не созданного шталага, а также из США и Голландии, а также факты обнаружения в катынских могилах трупов людей, проживавших в городах и на улицах, польские названия которых были изменены на немецкие уже после окончания германо-польской войны, во время нахождения польских военнопленных на территории СССР, когда они не могли обзавестись какими-либо документами, фиксирующими изменение адреса своего последнего довоенного места жительства.

В статье использована только та часть имеющегося в списках материала, фиксирующего адреса переписки и место проживания, в которой указаны новые, немецкие, названия городов. За рамками статьи остались все случаи с польским названием городов. Тем не менее основные выводы, базирующиеся, прежде всего, на факте невозможности для военнопленных поляков получать корреспонденцию с польских территорий, оставшихся под контролем Германии, распространяются и на них. Они также распространяются и на достаточно многочисленные случаи отправления корреспонденции из польских городов, отошедших к СССР в сентябре 1939 года, названия которых выполнены так, как они назывались, находясь в составе Польши.

Чтобы лучше понять возникающую здесь проблему, необходимо кратко сказать об организации переписки в лагерях Управления по делам

⁹ Чтобы не перегружать статью многочисленными сносками, все тексты будут даваться по официальному изданию списка эксгумированных и идентифицированных в Катынском лесу. Все случаи разночтения между ним, а также основным и дополнительными списками Васса оговариваются в тексте. Ключевые слова в адресах и важные для нас части слова выделяются светлым курсивом.

военнопленных НКВД СССР с зарубежными адресатами. Этот вопрос специально не исследовался, однако известно, что с германской стороны вся корреспонденция, связанная с военнопленными поляками, жестко контролировалась, в том числе и по вопросу о военнопленных, находившихся в СССР. Даже официальные сношения ПКК с Международным комитетом Красного Креста в Женеве проходили при посредничестве германского Красного Креста. «В такой *ситуации польские военнопленные и заключенные в СССР были предоставлены сами себе* (курсив мой. — В. С.)». Иначе говоря, германская сторона не проявляла заинтересованности в поддержании переписки с ними. Начиная с 20 ноября 1939 года военнопленные получили право получать и отправлять по одному письму в месяц. Документы НКВД СССР свидетельствуют, что связь военнопленных с семьями, проживавшими на польских территориях, отошедших к рейху или вошедших в состав его генерал-губернаторства, поддерживалась при помощи «польского Красного Креста в Варшаве», полностью подконтрольного в этом вопросе германскому Красному Кресту. Из контекста можно понять, что она была односторонней. Этот вывод находит подтверждение в другом документе, содержащем просьбу польских военнопленных офицеров предоставить им «возможность свободного обращения к тому посольству, уполномоченному при Правительстве СССР, которое взяло на себя охрану интересов польских... военнопленных», а также «снестись с Красным Крестом, чтобы *дать нам возможность переписки с нашими семьями, пребывающими за границей СССР*». Они также жаловались, что «до настоящего времени еще не

урегулирована переписка с семьями», и просили «*выяснить, пошли ли наши письма на территорию, оккупированную Германией, если нет — дать нам возможность писать при помощи Красного Креста*». Иначе говоря, *ответа на свои письма, направленные в Германию, они не получали!* Возможно, по вине германской стороны. 22 февраля 1940 года руководство УПВ направило Л. П. Берии докладную записку с информацией об этой просьбе и просило его указаний...¹⁰ Заканчивался февраль, военнопленные поляки из-за границы писем не получали... Начинаясь март, когда переписка была запрещена вообще.

Обращает на себя внимание география этих адресов. Как правило, это крупнейшие города. В абсолютном большинстве они находились на территории Польши, оккупированной Германией в сентябре 1939-го и вошедшей в состав рейха в октябре того же года, отдельные (Варшава) — на территории генерал-губернаторства, созданного в октябре 1939-го, а также на территории СССР, оккупированной Германией лишь в 1941 году (Lwow — Львов — Lemberg). Установить точное время переименования упомянутых в адресах городов (и улиц в них), вошедших в состав Германии, на доступном автору материале не удастся. Известно, однако, что на бывших польских территориях, отошедших к рейху, процесс начался спустя некоторое время после образования 26 октября 1939 года генерал-губернаторства в соответствии с

¹⁰ См.: «Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы». М., 1999. С. 297—299, 400, 426; «Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы». М., 2001. С. 253—254. — www.katyn-memorial.ru/ru/arxiv/66-speczialnye-lagerja-nkvd-sssr-dlya-polskix-voennoplennyx.html?start=1

приказом рейхсканцлера Гитлера от 12 октября и растянулся на несколько лет. В Западной Пруссии, например, начало стихийного («дикого») немечивания названий городов было положено лишь 29 декабря 1939 года, переименование улиц относится к более позднему времени¹¹.

Для нашей темы эта проблема переименования важна потому, что в списках эксгумированных и идентифицированных в Катynie названия городов, отошедших к рейху, встречаются в разных вариантах: в первом случае — исключительно в немецком, а во втором — в польском. Сложнее стоит вопрос об использовании польского («ul.») и немецкого («str.», «straße») слова «улица» — оба слова встречаются как в названии улиц польских городов, вошедших в рейх, так и в состав генерал-губернаторства. Использование новых названий городов было обусловлено политическими причинами, и делалось это несмотря на то, что новые (немецкие) названия могли порождать сомнения по поводу их версии расстрела польских военнопленных органами НКВД СССР. В некоторых случаях (возможно, в соответствии с источником информации) указывалось польское название города, например «Lodz», а не «Litzmannstadt» (см. №№ 551, 934, 1793, 2126, 3197, 3372, 4070), «Lwow», а не «Lemberg» (см. № 1824). Это обстоятельство может указывать на то, что полицейские чины из команды Восса добросовестно переписывали все, что видели в документах (или в том, что их заменяло).

В польской версии списка эксгумированных и идентифицированных в Катynie все без исключения названия переименованных немцами городов и улиц давались в польском вари-

анте, что также было продиктовано политическими соображениями. Например, сведения о рождении Pufahl Roman в списке ПКК (№ 3708) представлены так: «Ur. 25.1.1894. *Lwówek*», а о Kuzmar, Jan (№ 3967) — «Ur. 1893, *Posznan*» (курсив мой. — В. С.). Но в указанные годы эти города входили в состав Германской империи и назывались «Neustadt Pinne» и «Posen». Часто такое изменение названий затрудняет установление времени происхождения того или иного документа, письма. В любом случае это является надежным свидетельством вольного отношения ПКК к германскому списку, переработке его информации в соответствии с собственными интересами, но в рамках фашистской версии произошедшего. Документально устанавливается, что ПКК, хорошо зная о многочисленных случаях фальсификаций, допущенных германской стороной при так называемой идентификации трупов, активно поддерживал гитлеровско-геббельсовскую версию «массовых расстрелов в Катynie» органами НКВД СССР весной 1940 года.

К сожалению, сверить зафиксированную в списках информацию о «вещдоках» с подлинными документами и бумагами невозможно, поскольку в конце войны все они были уничтожены¹². Однако разобраться в этих вопросах помогают датировка, имеющаяся на части корреспонденции, а также дополнительная информация о времени создания документа, изменения названия города, административной единицы, в которой он находился, улицы в нем.

В биографических данных расстрелянных иногда встречается указание на место их проживания («Wohnhaft»,

¹¹ См. http://de.wikipedia.org/wiki/Kreis_Berent

¹² См. Ю. И. Мухин. Катynский детектив. М., 1995. С. 97–98.

«Wohnh.»). Нельзя исключить в ряде случаев действительного существования такой связи, однако есть достаточно аргументов для утверждения, что часто такой связи между эксгумированным трупом и записанными с ним «вещдоками» не было.

Вот эти адреса. Город Позен (в составе рейха; германский «Posen», бывший польский «Poznan»). В официальном германском списке он значится как место проживания Werecki Piotr (№ 710): «Verwaltungssekretär aus Posen» (секретарь управления из Познани). В польском списке этот номер пропущен. В Познани проживал («Wohnhaft in Posen») Bajoński Jan (№ 1484), а также Aksan Nikolaj (№ 1526) — («Wohnhaft: Posen»).

Более точные указания на места проживания в Posen зафиксированы в отношении:

№1515. Rola-Szadkowski Leonhard. («Posen, ul. Straße d. 27»);

№ 1715. Mielczarski Stanislaw. («Posen, ul. Waly-Jagiely 22 m 2»);

№ 1811. Witkowiak Wojciech. («Posen, Gorna-Wilda, 13 m 15»);

№ 2027. Buczkowski Wacław. («Posen, ul. Sz wajcarka, 29 m 8»);

№ 2433. Ambroziewicz Włodzimierz. («Posen, ul. 3. Maja 5»);

№ 2540. Majorowicz Antoni. («Posen, ul. Mickiewicza 22»);

№ 2631. Dormanowski Bogdan. («Posen, Alte Hetmańska 40/6»);

№ 2679. Dadobnik (?) Józef. («Posen, g. Wilda 28 m 7»);

№ 4059. Raczyński Kazimierz. («Posen, ul. Fredry 3»);

№ 2566. Неопознанный. («Posen, ul. Szydłowska 13»);

№ 3986. Неопознанный. В ежедневном (основном) списке Восса место проживания не указано. Информация о нем появляется только в дополнительном списке: «Posen, Matykstr. 53». «Волшебникам» из

группы полевой полиции Восса удалось получить эту информацию из одного-единственного «вещдока» — «1 Eintrittskarte für Wilsonpark in Posen» (1 входной билет в парк Уилсона в Позене). Как это удалось им свершить, к сожалению, навсегда останется одной из бесчисленных тайн Катыни! В польском списке адрес проживания (город, улица, дом) благоразумно опущен, а «обезвреженное» таким образом указание на бесценный «вещдок» сохранено (с использованием польского названия города): «Legit. wstępu do parku Wilsona w Poznaniu».

Город Бромберг (в составе рейха; германский «Bromberg», бывший польский «Bydgoszcz»). Указание на город *Bromberg* как на, возможно, место проживания имеется в описании «вещдоков», связанных в списке с трупом № 1006 («Hammer Józef.): «Offz.-Ausweis, Waffenschein, 1 Mitgliedskarte der Res.-Offz., *Bromberg*, 3 Fotos, 1 Zettel mit Offiziersnamen»). В Бромбегре (Bromberg) проживал также Kuminek, Henryk, Bruno (№ 3313). По адресу «*Bromberg, Danziger Str. 57*» проживал Gadomski Tadeusz (№ 1037), а недалеко от него («*Bromberg, Danziger Str. 1*») — Dobak Stanislaw (№ 2250).

Город Гдыня (в составе рейха, германский «Gdingen», с 19 сентября 1939 года — «Gotenhafen», бывший польский «Gdynia») как место проживания выступает в двух случаях: относительно Mrozik, Alisi (№ 2810): «*Gdingen S.W. Janska 54/9*», а также Woźny, Kazimierz, Henryk (№ 1068): «*In Gotenhafen. ul. Świętojanska 108*».

Город Данциг (в составе рейха, германский «Posen», бывший польский «Gdańsk») в этом качестве также назван в двух случаях. Первый — Barański Tadeusz (№ 2664), проживал по адресу: «*Danzig, ul. Chanowskiego 12*».

Второй — адрес места жительства Urbaniak Antoni (№ 866) обозначен косвенно: «Angestellter der Staatsbank in Danzig» (служащий государственного банка в Данциге).

Город Лицманштадт (в составе рейха, с 1940 года германский «Litzmannstad», бывший польский «Лодзь»). Здесь по адресу «Litzmannstadt, Narutowicza 48 m 2» проживал Schreer Joachim (№ 678). В списке ПКК этот номер пропущен. Krochmalski Jan (№ 2870) проживал по адресу: *Litzmannstadt*, Allee uni 18 m 32.

Варшава, в отличие от названных выше городов, находилась в генерал-губернаторстве, она не переименовывалась, однако при указании на название улицы в ней используются не только польское слово («ul.»), но и германское «str.». Адрес места жительства ряда эксгумированных представлен следующим образом: Boldok Tadeusz (№ 211) — «Warschau, Grodzkistraße»; Krajewski Roman Wincenty (№ 801) — «Warschau, Platz Invalidow». № 3613 — неопознанный, в основном списке Восса его место проживания не зафиксировано. Оно появилось в дополнительном списке: «Warschau-Marienstadt 3», а в официальном списке получило закрепление. В польском списке упоминание о месте жительства отсутствует.

Особо следует сказать о русском городе Львов с древней и очень сложной историей. Находясь в составе Австро-Венгерской империи, он назывался «Lemberg». В интересующее нас время (1939—1943 годы) он трижды менял название: в Польше — *Lwów*, в СССР (с сентября 1939-го) — Львов, после занятия города вермахтом (в ночь с 29 на 30 июня 1941 года) и включе-

ния его в состав рейха, он был переименован в «Lemberg»¹³.

В основном списке Восса № 437 числится как неопознанный, проживавший по адресу: «Lemberg». В дополнительном списке он уже опознан (Markowski Wojciek), а адрес уточнен: «Lemberg, Betczenska 39», однако в официальном списке эти дополнения и уточнение проигнорированы. В польском списке этот номер пропущен.

№ 797 — Dresdner Robert проживал: «Lemberg, pl. Smolki, 5». Официальный список фиксирует под этим номером труп совсем другого человека — Niezy Josef — с иным набором «вещдоков».

№ 839 — в списке Восса труп числится неопознанным, указание на место проживания отсутствует. Оно появляется в дополнительном списке: «Lemberg, Waskastr.». Однако в официальном германском и польском списках данное уточнение было проигнорировано.

№ 892 в списке Восса также числится как неопознанный. Среди «вещдоков» зафиксировано фото с надписью: «Hanina Gajowska, Lemberg, Zyzyinska 24». № 3875 — Zaworotnik Jur проживал по адресу: *Lemberg*, ul. Geninga 19. В отношении № 3032 (Krękowski Stanislaw) «Lemberg» в германских списках, очевидно, указан также как место проживания («Krękowski Stanislaw, Ltn., Lemberg, geb. 1914»).

Подводя итог сказанному, отметим следующее. Во-первых, в решении вопроса о месте проживания определяющим являются время составления документа, содержащего информацию об адресе, и сопутствующие ему обстоятельства. Во-вторых, становится ясно, что германские и польские списки эксгумированных в Катынском лесу и перечни связываемых с ними «вещдоков» являются бесполез-

¹³ Город Lemberg есть также в составе Германии (Федеральная земля: Рейнланд-Пфальц).

ными для действительной идентификации «жертв Катыни». В-третьих, истинная ценность этих источников заключается в их способности изобличать фальсификаторскую деятельность германских «исследователей» катынских захоронений.

Становится ясно, что германские и польские списки эксгумированных в Катынском лесу и перечни связываемых с ними «вещдоков» являются бесполезными для действительной идентификации «жертв Катыни». Истинная ценность этих источников заключается в их способности изобличать фальсификаторскую деятельность германских «исследователей» катынских захоронений.

Все это справедливо и в отношении некоторых документов и корреспонденции, которая также оказалась зафиксированной в этих списках.

Странным представляется наличие у польских военнопленных разных документов и текстов на немецком языке¹⁴: №363 — книга; №3708 — «Документ о военной службе на немецком языке»; №4120 — «1 биография на немецком языке», место проживания ее владельца — *«Liebenau, Schloßstraße»*¹⁵. Интересный случай — неизвестный

в качестве военнопленного поляка, проживавшего в западной части Германии: был на территории Польши во время ее войны с Германией, отказался возвращаться в Германию, предпочел участь военнопленного.

На немецком языке написан и ряд писем: «Письмо на немецком языке к коменданту лагеря от 4.2.1940» (№ 439); «2 Briefe in deutscher Sprache» (№ 3045); «Текст на немецком языке “Дорогую мать...”» (№ 1213), в списке ПКК упоминание об этом документе опущено; «1 Brief (deutsch)» (№ 1565), в списке ПКК («List z Dubna») снято «неудобное» упоминание о немецком языке; «1 почтовая открытка на немецком языке» (№ 1362), в списке ПКК имеется

указание на отправителя («od Ignatza z Katowic»). Военнопленные поляки ведут переписку на языке своего врага? Как это можно объяснить? Можно, конечно, сказать: чего в жизни не бывает... Но вопрос останется... Поскольку проверить эту информацию нельзя, то можно было подsunуть любой документ. Конечно, это — предположение, но оно противостоит информации, во многом непонятной и вызывающей обоснованные сомнения.

Но наиболее интересное и важное связано не с языком писем, а с адресами, с которых они присылались или для отправления на которые они были предназначены. № 1201 — Неопознанный. Среди «вещдоков»: «1 Brief aus Bromberg» (польск.: Быдгощ).

¹⁴ Здесь и далее: перевод немецкого текста на русский дается с оставлением в нем на языке оригинала названий городов, улиц, а также имен и фамилий.

¹⁵ Очевидно, речь идет о немецком городе на реке Димель в 25 километрах к северо-западу от Касселя (в Гессен).

№ 1606. Неопознанный. Среди «вещдоков»: «2 Teile einer Paketaufschrift: mit Adresse und Absender; Adresse: Franciszek, Sohn d. Jan Kozielsk; Absender: Osrerade, Regierungsbezirk Posen» (2 части пакета с надписями: адресом назначения и отправителя; адрес — Franciszek, сын — d. Jan Kozielsk; отправитель — Osrerade, административный округ — Posen). В польском списке: «...Osterode Poznański Franciszek syn Jana».

№ 1264. Неопознанный. В перечне «вещдоков»: «Отправитель: Idaszewski в Schrimm. Warthegau, ul. Wartheufer 1». В польском списке появляется указание на дату письма: «13.1.1940». Warthegau — название западной части Польши после ее аннексии Германией и превращения в одну из областей (Der Gau) ее. Schrimm — это немецкое название польского города Срем. Письмо позднее, из Германии. В плену он его получить не мог.

Ряд писем отправлен из области Warthegau (западные районы Польши, присоединенные к рейху). № 1047. Неопознанный. В дополнительном списке Восса состав «вещдоков» расширяется, появляется запись: «1 Adresse: Szulczynski, Posen-Wartegau, Königsplatz 3». В официальном германском списке, а также в списке ПКК она проигнорирована. № 3049. Tutschek, Adolf. «Вещдоки» представлены четырьмя почтовыми карточками с адресом отправителя: «Gg. Tutschek, in Sterbruch, Kreis Kempen, Warthegau». № 3690. Ciesielski, Stefan. Среди «вещдоков»: «Почтовые открытки с отпр.: Лесопильный завод Laski, почта Hirschek, Kreis Kempen, Warthegau» (край Кемпен, Вартегау). До 1920 года край Кемпен в Познани находился на юго-восточной окраине прусской провинции Позен, в конце октября 1939 года он был включен в состав Reichsgau Posen, Regierungsbezirk Калиш.

№ 1018. Неопознанный. Среди «вещдоков» листок с адресом: «Sofia Koszinska, ul. Lipnowska 13, Wloclawek-Leslau». В польском списке город назван «Włocławek», что гарантирует восприятие этой записи, как созданной до германской оккупации. Между тем данное название возникло позднее. В октябре 1939 года на основе военного округа Позен (Posen) было создано административное образование Reichsgau Posen, 29 января 1940 года переименованное в Reichsgau Wartheland, а находящийся в нем город Włocławek был переименован в Leslau. Итак, это письмо не могло быть написано ранее этой даты и получено ранее февраля месяца.

№ 2468. Słowik Adolf. Среди «вещдоков»: «1 письмо с адресом: Господин Капек, Франц, Königshütte II, Deutschland, Ost-O.-Schl., Gräfin-Laura-Str. 1». Königshütt (Królewska Huta — «королевская хижина») — город в Верхней Силезии, принадлежал Германии до 1921 года, затем Польше (Chorzów), с сентября 1939-го — снова Германии. Königshütt II, или Chorzów II, — северо-западная часть города.

№ 1776. Chmielewski Kazimierz. Среди «вещдоков»: «2 Briefe a. Namen: Irena Schmidt, Lemberg, ul. Bulwarska 1, adressiert an: Edward Schmidt, Kozielsk.» (2 письма. Имя: Ирена Шмидт, Lemberg, ul. Bulwarska 1; адресует в: Эвард Шмидт, Козельск). В польском списке адрес изменен: «Lwów, ul. Bulwarska 1». Письмо в Козельский лагерь из города с названием «Lemberg», или «Lwów», направлено быть в принципе не могло, так как с сентября 1939 года он входил в состав УССР и назывался Львов. Запутались германские подчиненный Восса и их соратники из ПКК.

Особо следует сказать о ряде заграничных адресов, находившихся вне Германии. У одного, опять же не-

опознанного, трупа (№ 3733) зафиксировано письмо из США («1 письмо со штемпелем, *New York, Brooklyn*»). Список ПКК дополняет эту информацию датой его отправления: «stempel *Brooklyn N.Y. 4. Dec. 28. 1939*». Значит, письмо из США в начале 1940 года было получено в лагере для военнопленных! Если поверить в эту историю, то как следует относиться к рассказам об ужасном и всевозможном притеснении польских военнопленных в советских лагерях?! Чтобы поверить в возможность этого, надо быть безнадежно наивным человеком. Перед нами очередной подложный документ, проще говоря — фальшивка. То же следует сказать и о письме голландского Красного Креста, которое якобы получил Kardas Marian (№ 728).

Имеется также ряд писем, якобы подготовленных к отправлению по адресам (вариации на тему: «на деревню, дедушке»), которые гарантируют не только то, что они не могли бы дойти по назначению, но и то, что в лагере их не приняли бы к отправке на почту. У № 1588 (*Zapolski Jerzy*) зафиксировано письмо с фантастическим адресатом: «1 ходатайство об освобождении из заключения коменданту в Москве». № 473 в основном списке Восса пропущен. В дополнительном списке появляется запись о трупе (*Berlinerblau Leopold*) с данным номером и указанием на один «вещдок» — карточку: «Лагерь *Fichnowsk*, станция *Babinka*, при *Smolensk*». Отправление (допустим это) из данного лагеря карточки с адресом, раскрывающим всем его местоположение, исключено; значит, ее поступление в Козельский лагерь невозможно. Если предположить, что она предназначалась для отправки из Козельского лагеря, то возникает вопрос: как этот *Berlinerblau Leopold* мог узнать не

только о существовании этого лагеря, но и о его расположении? В официальном списке данный труп числится неопознанным майором, упоминания об этой карточке отсутствуют — возможно, потому, что она была признана слишком грубо сделанной фальшивкой. В списке ПКК этот номер пропущен.

Ниже мы приведем те материалы из списков эксгумированных и идентифицированных в Катыни, в которых имеются указания на важные для нас даты или обстоятельства, позволяющие сделать заключение о возможности или невозможности данного события.

У неопознанного трупа (№ 2784) в качестве «вещдоков» зафиксированы: «2 Briefe aus einem deutschen Gefangenenlager mit Adressenangabe: *Germania*, Fr. Kozl, Nr. 1751 *Stalag II* с IX/19» (2 письма из немецкого лагеря для пленных с указанием его адреса: *Germania*, Fr. Kozl, № 1751 Шта-лаг II с IX/19)¹⁶. Поскольку переписка между военнопленными, содержащимися в германском и советском лагерях для военнопленных абсолютно исключена, то вывод, что мы имеем дело с фальшивкой, неизбежен. Если кому-то данное заключение покажется излишне категоричным, добавим: 19 сентября 1939 года ни Fr. Kozl (номер 1751), ни кто иной (с каким бы то ни было другим номером) отправить какое-либо письмо по какому бы то ни было адресу не мог. По той простой причине, что данный *Stalag II* С

¹⁶ Есть информация о двух лагерях с названием «*Stalag II*С». Первый был расположен в Вольденберге (*Woldenberg*) Добегниев-Стрзелецки (на территории оккупированной Польши), образован 28 сентября 1939 года, закрыт в июне 1940 года; второй находился в Грайфсвальде (*Greifswald*, Германия, район Мекленбурга), образован в июне 1940 года. См. www.soldat.ru/force/germany/camp.html

был образован девятью днями позднее — 28 сентября 1939 года¹⁷. Фальшивка она и есть фальшивка (*Мал золотник, да дорог!*)

№ 3708. Pufahl Roman. Проживал: Warschau, *Straße* des 6. August 58 m 2. Среди «вещдоков» зафиксировано: *Bescheinigung über Militärdienstzeit in deutscher Sprache* (Документ о военной службе на немецком языке).

№ 3072. Вместо трупа зарегистрирован следующий комплект «вещдоков»: «3 почтовых открытки с отправителем: Solska Halina *Rembertow* ul. 11. Nov.». Город Rembertów до германской оккупации Польши был районом Варшавы, позднее стал отдельным городом.

№ 781. K... Boleslaw. В связи с ним зафиксировано фото с надписью: «Deine sich sehrende Frau, *Lemberg*, den 13.2.1940» (Твоя тоскующая женщина, Лемберг, 13.2.1940). Сомнение вызывает то, что эта женщина (предположительно, полька), делая эту надпись, назвала город не «Львов», как он назывался в это время (это можно объяснить), ни даже «Lwow» (что можно было бы ожидать), а «Lemberg». Через двадцать лет после того, как он перестал так называться, и за полтора года до того, как после начала Великой Отечественной войны он после захвата его германскими войсками вновь получит имя «Lemberg».

№ 1017. Król Fryderyk. Среди «вещдоков»: «1 Brief *an das Rote Kreuz in Berlin* mit Abs.: A. Król in *Schwarzwasser*» (1 письмо Красному Кресту в Берлине с отпр.: A. Król в *Schwarzwasser*). В польском списке запись почему-то изменена с важным для нас дополнением: «Listy z nadawcą Helena Krol, Strumien Górnu Śląsk Wshód z

dn. 7.1.1940 r.» Здесь необходимы некоторые пояснения относительно места нахождения корреспондента. *Schwarzwasser*: во-первых, место в Ostprignitz-Ruppin (Германия); во-вторых, немецкое название польских городов Strumień (на Висле в Cieszyn — Силезия) и Czarna Woda (Поморское воеводство), которые в октябре 1939 года вошли в состав Германии. Следовательно, некто из Германии или из вошедших в рейх польских земель направил письмо в Берлин! Вполне возможно. Но при чем здесь Козельский лагерь, Сталин, Берия и т. д. и т. п.? И этот «вещдок» представляется как доказательство того, что его обладатель оказался в советском плену и был расстрелян органами НКВД весной 1940 года в Катынском лесу!!! Очередной «ляп» фальсификаторов из команды Восса, который ПКК пытался скрыть.

Германские списки трижды зафиксировали очень интересный для нас адрес: улица Адольфа Гитлера («*Adolf-Hitler-Str.*») в двух городах. Здесь, по адресу «*Bromberg, Adolf-Hitler-Str. 30*» проживал доктор Wincenty Sniady. «Маленькая записная книжка» с этим адресом была якобы обнаружена при трупе № 3836, под которым значится некто Sniady Franciszek. Польский Красный Крест искажил запись в политически важной для них части, указав прежнее название города и улицы: «notesik z adresem: Sniady Wincenty Bydgoszcz, Gdańska 30». Этим легко устранялись всякие следы «просчета» команды Восса, а значит, и основания для подозрения относительно фальсификации данного комплекта «вещдоков».

Вот еще одна маленькая история, связанная с этим городом и улицей в нем. Среди вещдоков Frelkewicz Józef

¹⁷ <http://forum-mariupol.com.ua/viewtopic.php?p=31940>

¹⁸ www.rigacv.lv/salaspiis/spisok_lagerei

(№ 1300) зафиксирована: «1 Karte, Absender: Frelkewicz, *Litzmannstadt, Adolf-Hitler-Str. 104a*» (1 карта, отправитель: Frelkewicz, Litzmannstadt, улица Адольфа Гитлера 104а). С этим адресом и возможностью его появления у какого бы то ни было польского военнопленного, содержавшегося в СССР, связаны две проблемы. Польский город Лодзь был переименован в «Litzmannstadt» лишь 11 апреля 1940 года по приказу самого Адольфа Гитлера¹⁸. В это время уже начался, как утверждается гитлеровско-геббельсовской версией, расстрел польских военнопленных из Козельского лагеря в Катынском лесу. Допустим, что так и было. Допустим также, что карточка эта была отправлена 11 апреля или в ближайшие дни, а на прохождение ее, как международной корреспонденции, по всем инстанциям потребовалось бы в лучшем случае дней 10—15. Значит, в руки адресата она могла бы попасть в период между 22—26 и 26—30 апреля. Скорее всего гораздо позднее. Но хорошо известно, что с 3 по 11 апреля из Козельского лагеря в распоряжение УНКВД по Смоленской области было отправлено 1643 военнопленных, а по 28 апреля (включительно) — 4235. Последние 259 военнопленных отправили 10—12 мая¹⁹. Шансы получить данную открытку в лагере были ничтожны.

Но даже окажись этот военнопленный в последнем списке, все равно он не смог бы получить эту карточку. Просто потому, что еще в марте 1940 года всякая переписка военнопленных на время была полностью прекращена. Если эта карточка действительно принадлежала Frelkewicz Józef, то это может означать, что он не был среди военнопленных и был рас-

стрелян при иных обстоятельствах в условиях оккупации части советской территории германскими войсками. Либо команда Восса, во время проведения так называемой идентификации «снабдила» данной телеграммой труп кого-то из расстрелянных фашистами в 1941 году.

Наконец, из «вещдоков», записанных за Kardas Marian (№ 728) мы узнаем, что сам он проживал по адресу: «*Bromberg, Adolf-Hitler-Str. 67 oder 68*». Как его угораздило переместиться не только в пространстве (с центральной улицы крупного польского города в барак Козельского лагеря УВП НКВД СССР), но и во времени (из некоего месяца 1940 года, возможно, не ранее апреля) во вторую половину сентября 1939 года, чтобы попасть в советский плен, — одному богу известно! Если всерьез принять такую его способность к столь чудесным перемещениям, то легко будет принять и информацию о получении им письма голландского Красного Креста («*Brief vom holländischen Roten Kreuz*»), минув всяческие препятствия, которые НКВД СССР чинило для военнопленных в их стремлении к общению с заграницей. Иначе всю эту историю с № 728 придется отнести к разряду небылиц, сочиненных в окружении Восса для безгранично доверчивых обывателей из Польши, Великобритании и США.

Такой адрес мог быть написан в документе или на какой-либо бумаге, только спустя некоторое время после официального присоединения территории, на которой был расположен польский город Bydgoszcz (Быдгощ), переименованный в Bromberg, а улица Gdańska — в Adolf-Hitler-Str. Но когда это произошло, никакой военнослужащий польской армии, оказавшийся в плену в СССР, не мог жить ни в городе Bromberg, ни на улице

¹⁹ См.: Российский государственный военный архив. Ф. 1/П. Оп. 2-Е. Д. 9. Л. 351, 363—364.

Adolf-Hitler-Straße. Да и никакие документы или бумаги с таким адресом не могли попасть в катынские могилы до момента их вскрытия командой Восса в конце марта — начале апреля 1943 года. Впрочем, возможен еще один вариант: бумаги с этим адресом могли попасть в катынские могилы вместе с самим Kardas Marian уже после оккупации Смоленской области германской армией. Следовательно, и расстрелян он мог быть только по распоряжению германских оккупационных властей, естественно — не органами НКВД СССР.

Не менее — пожалуй, даже еще более интересна и показательна — история с № 3096 (не опознан). В списке Восса информации о месте проживания нет. Она появилась только в дополнительном списке («*Schöneck/Westpr. Bahnhofstr. 35*») и получила закрепление в официальном списке. Проблема в том, что данный адрес появляется даже не в 1940 году, а значительно позднее. В составе Германской империи Schoeneck — поселок в Западной Пруссии; после перехода ее к Польше (1920 год) название поселка изменили на Schoneck; позднее он был преобразован в город Skarszewy. Под этим названием в 1939 году он вошел в состав Германии и был переименован в город Schöneck. И только в 1942-м получил название «Schöneck (Westpr)». Westpr — «Западная Пруссия»²⁰. И в этом случае, если мы всерьез примем гитлеровско-геббельсовскую версию катынской трагедии, придется допустить еще более значительную, чем в предыдущем случае, способность данного неопознанного № 3096 к перемещению во времени уже не на несколько месяцев, а на годы! Из 1942-го в 1939 год! Нет пределов удивлению:

до чего дошли польские «чародеи» уже в то время! Впрочем, сомнения, разъедающие веру, остаются и заставляют расценить этот факт не как чудо расчудесное, а как банальное проявление фальсификаторской работы германских политических и полицейских органов, стремившихся свалить на СССР собственную ответственность за массовые расстрелы в Катынском лесу разных групп людей, находившихся в их власти.

Возникает вопрос: как у военнопленных польских офицеров, якобы расстрелянных в Катынском лесу весной 1940 года, могли оказаться письма с адресами, в которых старые польские названия городов и улиц уже изменены на немецкие, если писем из Германии военнопленные в СССР получать не могли и не получали? Это возможно, если среди расстрелянных и захороненных в братских могилах Катынского леса были те, кто проживал на территории Польши, оккупированной Германией в сентябре 1939 года (и СССР, в июле 1941—1943 годов), и мог вести переписку. Расстрелять и захоронить их на закрытой территории, вблизи места расположения командования группы армий «Центр» и строящегося бункера для Гитлера, могли только немецко-фашистские оккупационные власти.

Обращает на себя внимание странное распределение адресов, о которых шла речь: они в массе своей группируются в небольшом количестве мест, расположенных в тех частях Польши, которые были включены в рейх, то есть там, где германские власти имели наилучшие условия для быстрого получения подлинных документов, писем и т. д., необходимых в качестве «вещдоков» для обоснования нужной им версии происхождения массовых захоронений в Катынском лесу.

²⁰ См. www.territorial.de/dawp/berent/schoenst.htm

Так воздвигалась грандиозное по своим масштабам и цинизму анти-советская, антирусская политическая конструкция — «Massenmord von KATYN». В основе его проекта — политический интерес, строительным материалом служила ложь. Но как давно и хорошо известно, ложь — трудное дело. Если в политическом плане она

и представляется подходящим «строительным материалом», то в историческом — обрекает «строителей» на конфуз, а их конструкции — на крушение. В данном случае интересы науки органично переплетаются с политическим и человеческим интересом отстаивания чести и достоинства своей *Родины* от злостных наветов. ◆